

ТАТЬЯНА КОРНЕВА

ПЛОЩАДЬ
ВРЕМЁН

Татьяна Корнева
Площадь Вре́мён

«Автор»

2026

Корнева Т.

Площадь Вре́мён / Т. Корнева — «Автор», 2026

Мир, где правит Искусственный Разум – прост и совершенен. Люди живут без проблем, воплощая любые мечты. Прошлое переплелось с будущим, а реальность балансирует меж правдой и иллюзиями. Кейн и Лия – представители разных сословий. Их взаимодействие должно было исчерпаться обменом плазмой или эмоциями, но отчего-то парочка отказывается забывать ту мимолётную встречу. Так «инженер пространств» и «земная женщина» оказываются в совершенно новых условиях. Путешествуют, заводят друзей, постигают технологии, созданные будущим человечеством на стыке Искусственного Интеллекта и природы Живой Руды. Здесь много опасностей! Но вместе влюблённые справятся с любыми трудностями и построят дом с собственной Площадью Вре́мён перед входом. Всё происходящее вымысел, и автор не устаёт напоминать об этом. Только осенью, когда падают листья, а душа просит тепла, хочется писать книги. Так пусть герои живут, любят, страдают. Как знать, может быть, их ждёт очень долгая и счастливая жизнь...

© Корнева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Кейн	6
Глава 2. Лия	9
Глава 3. На пляже	11
Глава 4. «Говори!..»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Площадь Вре́мён

Глава

Осенью хочется писать книгу...

...о прошлом и будущем, о любви и страданиях. Чтоб всё как в жизни, чтоб выдуманные люди жили долго, правильно и в итоге - поженились!.. Все события вымышлены, совпадения случайны, а произведение создано с помощью Искусственного Интеллекта. (Господи, кого я обманываю? Мне ж так много лет, что я его не умею! До сих пор довольствуюсь естественным... Но если кому осенью захочется почитать - она для вас!

Глава 1. Кейн

Кейн замер на балконе, встроенном в базальтовый фасад подобно каменной раковине, прилепившейся к скалам. Его апартаменты парили над Площадью Вре́мён. Из каждого иллюминатора — «окна», как по-прежнему называли их люди, — открывался вид на центральную артерию Третьей линии.

Чтобы выйти на воздух, ему пришлось собрать последние силы. И вот теперь, с каменной ладони, застывшей в воздухе, Кейн созерцал масштабный замысел эпохи земного постклассицизма — стимпанковый сон, отлитый из бронзы, мрамора и базальта.

Фасады высотных домов украшали затейливые фигуры животных, некогда обитавших на этой планете. Гигантские силуэты диплодоков и взмывающих вверх археоптериксов соседствовали с жирафами и слонами, зубрами и гиппопотамами, варанами и павлинами, выполненными в натуральную величину. Лаконичная перспектива уходила в обе стороны, теряясь в дымке земных испарений. Проспект-музей, проспект-памятник всем, кто населял эту планету в минувшие времена.

Говорят, где-то вдали от единственного ныне мегагорода Земли – Путорана, раскинувшегося на базальтовом плато, – в далёких лесах, ещё встречаются отдельные представители земной фауны. Там кони с развевающимися гривами сбиваются в табуны на безлюдных просторах степей, а юркие лисы выбегают к человеческому жилью, расположенному на окраинах.

Говорят, вся та биота вызывает аллергию и настолько резко пахнет, что даже самые неприхотливые из обычных людей давно утратили к ней интерес. Городское же разнообразие фауны, созданной Высшим Разумом, заканчивается у поверхности титановой мостовой, никак не тревожа жителей. Едва различимые отсюда сурки и жуки-носороги оживают лишь к вечеру, чтобы порадовать прохожих плавными движениями и взмахами механических крыльев.

Будь Кейн обычным человеком, он, наверное, любил бы сидеть здесь вечерами, потягивая апероль или балуясь сигарой. Впрочем, будь он простым человеком, сейчас не испытывал бы такого упадка сил и ужаса в предчувствии скорой гибели — той самой, которая симбиотам, в сущности, не грозит, пока на Земле живут обычные люди. Шли третьи сутки, как он не употреблял плазмы. Свой добровольный отказ от привычной ему эмоциональной подзарядки Кейн объяснял себе нравственностью — формулой, которую вывел, исследуя прошлую жизнь землян: безобидных, в большинстве своём, существ, добровольно предоставивших новой цивилизации собственное жизненное пространство.

Прошли те времена, когда люди вели беспокойную жизнь: охотились на мамонтов, эволюционировали, сбивались в сообщества, создавали государства и религии, воевали друг с другом за земли, деньги или убеждения. К тому подталкивала их безудержная мозговая активность, что генерировала новые идеи, цели, эмоции, но не могла обеспечить каждого элементарно необходимыми для жизни ресурсами. Людям не хватало жилья, денег, еды, машин и механизмов, лекарств, одежды... Пока не появились они – Высший Разум и люди, способные менять мир силой мысли.

Первое, что предприняли на Земле симбиоты — организовали добычу из недр планеты Живой Руды, обогащённого вещества лавы, богатой металлами и базальтом. Для новой цивилизации это не составило особого труда. Земляне и прежде пытались добывать кое-какие полезные ископаемые, даже пробурили в северных широтах сверхглубокую скважину... Только никакой пользы с тем пониманием мироустройства, коим они тогда располагали, не было. Разве могло чуть большее количество нефти и угля, молибдена или никеля решить все те задачи, которые по силам только Живой Руде, о которой ещё не знала земная наука? Не удивительно, что простые земляне оказались, наконец, счастливы, когда с помощью Высшего Разума была добыта первая партия Живой Руды, некогда способной в мгновение ока создавать горные мас-

сивы и океанские впадины, рушить города и испепелять цивилизации. Теперь она служила людям всею своей мощью!

Благодаря новому веществу человечество перебралось в комфортабельное жильё, обосновалось в самом благоприятном климатическом поясе, в полной мере обретая то, о чём мечтали их предки. Всё необходимое — от еды до современных интерьеров — предоставлялось немедленно каждому. Высший Разум подсказывал людям, где взять новые ботинки, что съесть на завтрак, куда отправиться вечером. Все желания стали доступны, а новые возможности создали идеальное общество счастливых людей — то, чего не смогла совершить ни одна человеческая революция.

Правда, до сих пор непонятно, отчего средняя продолжительность жизни обычных людей с потенциальной сотни лет (слово «человек» в переводе с древних языков означает «лицо столетия») в первое десятилетие всеобщего благоденствия сократилась на десяток лет. Потом снизилось до полусотни, а ныне не превышает 30–40 лет. Именно столько жили на Земле самые первые виды человекообразных приматов — неандертальцы и кроманьонцы, не имевшие вообще никаких благ цивилизации. Теперь на продолжительность жизни землян губительно влияло благополучие: достигнув физического расцвета, простые люди впадали в уныние и угасали. Не радовались и не радовали мир теми искренними эмоциями, что необходимы новой цивилизации, созданной Высшим Разумом. Не рассказывали историй об обычной своей жизни. Не дарили ценную энергию плазмы таким как Кейн – высшим симбиотам, чей интеллект делал жизнь лучше. Как выглядели в прежние времена обитатели планеты, перешагнувшие полувекковой рубеж жизни, теперь можно увидеть лишь на полотнах древних художников и заархивированных фото. По улицам Путорана больше не ходят люди с нетвёрдой походкой и морщинистой кожей, но виной тому не одни лишь достижения медицинской трансформации.

Прежде Кейн мало интересовался человеческой историей: для инженера мыслей его уровня хватало вопросов поважнее — будь то добыча Живой Руды или работа по её использованию для формирования человеческой среды обитания. Этнология захватила разум Кейна внезапно, отравив его мозг жаждой исследований. Успешного мыслителя помимо усовершенствования механизмов и разработки новых технологий, заинтересовали антропологические изменения давно минувших человеческих рас, их мифология и мировоззрения. Именно там теперь он искал решения задач, которые ставил перед ним Высший Разум. Там же искал он вдохновение для новых идей проектирования пространства. Произошло это случайно. Знанием древности был наполнен разум одного из обычных людей, век которого близился к концу и тот решил отдать высшему всю свою плазму.

С обычными людьми симбиоты общаются не часто. Такие контакты продиктованы необходимостью: нет ничего эффективнее живой человеческой плазмы для концентрации мозговой активности высших. Обычным людям доступно любить, разочаровываться, чувствовать, говорить о себе... Симбиоты же лишены простых радостей. Их мозг нужен Высшему Разуму так же, как чувства обычных требуются таким, как Кейн. Так взаимодействуют два разных человеческих вида, двигая прогресс, и Кейн прежде не видел в том ничего необычного. До той встречи...

В отличие от большинства обычных людей, тот парень прожил на Путоране вдвое больше других и уходил, достигнув почти шестидесятилетнего возраста. Он был ещё вполне крепок. Мог ещё вполне легко передвигаться или отправиться на поправку в любое трансформирующее учреждение. Только смысла в дальнейшем своём существовании больше не видел. Добровольно предоставив в пищу симбиоту собственную плазму, он заразил Кейна жаждой познания, без конца вспоминая всё новые и новые истории о жизни древних народов — те, что разумнее было бы забыть, дабы не тревожить современное человечество.

Жизненный сок, наполнявший сознание того землянина, был густым и терпким. Он долго истекал из его памяти, а «старик» всё говорил и говорил.

О северных оленях, некогда живших вместе с людьми и дававших им пищу, одежду и единственный возможный в те времена способ передвижения.

О человеческих жертвоприношениях древних народов.

О богах, в которых верили люди, и удивительных скульптурах из камня, дерева, керамики, расплавленного металла, создаваемых в их честь...

Как знать, может, именно то давнее любопытство, стремление постичь некую истину и смысл земной жизни давали прежним людям вековой срок жизни и энергию на все сто лет... И вот теперь оно лишило Кейна спокойствия.

Теперь нам пора познакомиться с земной женщиной...

...главная героиня живёт в мире всеобщего благоденствия. На Земле больше нет проблем: все трудности в прошлом, благодаря Высшему Разуму. Люди разделены на симбиотов, которые генерируют для ИИ новые идеи, и на обычных землян. Удел последних - производить себе подобных и обеспечивать «думающих» свежей плазмой.

Ни те, ни другие ни в чём не нуждаются. Жизнь идеальна, даже плохой погоды здесь не бывает. Всё счастливы. Или нет?..

Глава 2. Лия

Ещё один день без пищи близился к вечеру — предвестнику ночного покоя. До заката оставалось совсем недолго, когда Кейн увидел её: женщину, бредущую по Площади Вре́мён в сторону побережья. Линия прибоя с балкона не видна, но он прекрасно знает: море недалеко отсюда — в полукилометре к западу. Шторм, штиль или лёгкий бриз на набережной определяет всеобщее голосование жителей Путорана. Климат в городе ежедневно меняется и устанавливается такой, за который проголосовало большинство. Это разумно и обеспечивает разнообразие здешнему комфорту.

Симбиотам погода не принципиальна, но обычные люди так устроены, что в жару хотят дождя, а в хмурые дни им подавай солнце. Порой землянам хочется грозы или даже пышного снега — застывшей в стратосфере воды, хлопьями оседающей на пальмах и лианах. Для них-то и создана специальная служба, подсчитывающая пожелания к погоде на день. Пусть радуются! Счастливые люди генерируют больше эмоций и, соответственно, плазмы, которой впоследствии питаются высшие существа. Возможно, без человеческой радости и разочарований жизнь на Земле прекратится. Замедлится бег времени, и даже Живая Руда, сформировавшая миллионы лет назад целую планету, станет ненужным вулканическим пеплом... «Неужели только человеческое счастье способно формировать пространство, а не навыки инженеров мысли?» - подумал Кейн и получил неприятный импульс браслета, надетого на запястье. Видимо, Высший Разум счёл эту мысль неактуальной...

Между тем земная женщина шла к морю. Наверняка, её простые мысли текли спокойно и правильно, как положено обычным людям. Лёгкий бриз шевелил волосы незнакомки. Пропорциональная фигура двигалась легко, миловидное лицо не обезобразила ни одна мимическая морщинка. Но Кейн всё равно угадал в прекрасном образе приближение конца. Именно так они ведут себя в последней жизненной фазе: бесстрастный взгляд в пустоту, отсутствие желаний — одно затейливее другого, стремление почувствовать силы дикой природы, будь то морской прилив или колкий ракушечник под ногами.

На Площади Вре́мён можно увидеть множество простых людей: куда-то спешащих, быстро пролистывающих свои гаджеты, голосующих за завтрашнюю погоду, стремящихся получить как можно больше знаний или осваивающих зачем-то внезапно понадобившиеся навыки. Такова их природа. И только на самом излёте своей сократившейся в разы жизни люди способны на спокойствие.

Интересно, чего хочет незнакомка от морской воды и криков чаек? Кейн встал и прошёл по балкону, разминая ноги. Отчего бы и самому не пройтись вслед за красивой женщиной? Он найдёт в себе силы не приближаться к ней — только понаблюдает, что она собралась делать на пляже. Искупаться? Присесть под пальмой? Искать ракушки? А вдруг достанет из рюкзака складной спиннинг и примется удить рыбу с причала, как до сих пор делают некоторые из землян...

Кейн усмехнулся, накинул на плечи уличный макинтош и вызвал лифт. Мостовая ещё отражала солнечный свет. Животные, украшающие фасады домов, начали своё вечернее движение, исполненное грации. Их бесшумные шаги, изгибы шей, трепет ноздрей завораживали, но Кейн проигнорировал весь этот техно-шик и поспешил вслед за незнакомкой.

Лия ускорила шаг, чтобы успеть до темноты полюбоваться закатом. Она уже несколько месяцев не голосовала за погоду: любое дуновение ветра казалось теперь ей уместным, любой уровень влажности и температуру воздуха она принимала как должное. Единственное, что ей оставалось, — просто жить.

Сын вырос и в установленное время начал самостоятельную жизнь. Муж не счёл нужным хранить верность — так Лия рассталась ещё с одним родным человеком, своей младшей

сестрой-двойняшкой, родившейся всего на несколько минут позже неё. Сестру Лия любила, поддерживала и была готова отдать последнее. Но... не Вика.

Абсурд, конечно: мужчин на Земле достаточно — и знакомых, живущих по соседству, и тех, кого предоставляет социальный департамент для прогулок или разовых свиданий. Но отчего-то расставание с Виком, который долгое время был её другом, возлюбленным, мужем и отцом их мальчика, так тяжело отразилось на здоровье. Её даже не расстраивали предупреждения лекаря о неизлечимом образовании — настолько жестокой была грусть одиночества.

Искусственный разум и умный браслет наперебой сообщали, как следует вести себя в новых условиях. Общеизвестно, главная роль женщин — домашний очаг, здоровье детей и радость близкого мужчины. Для этого с детства всем девочкам ставят прививки от бесплодия, закачивают импланты нужной величины в разные части тела, направляют в салоны красоты для необходимых процедур.

Они с сестрой с радостью посещали назначенные им корректирующие и лимфодренажные трансформации, с удовольствием занимались на дамских курсах. Совершенно искренне радовались каждому преображению внешности друг дружки, без женской зависти, с которой часто не могли справиться самостоятельно их подрастающие ровесницы. Тех гаджеты учили, вести себя правильно и справляться с негативными эмоциями. Лие же ничуть не меньше, чем ухаживать за собой, нравилось наблюдать, как расцветает сестра, подбирать ей на подиумах яркие наряды и украшения. Но когда Вик тоже проявил интерес к прелестям младшей сестрёнки, отчего-то стало очень-очень плохо...

Лия читала: расставания и охлаждения возлюбленных друг к другу не редки в человеческих отношениях. Она задавала вопросы персональным гаджетам, посещала специалистов, блестяще решала тесты и понимала нерациональность своих эмоций. Но рассматривая в зеркале своё идеальное отражение всё равно не понимала, что нужно исправить, чтоб всё стало как прежде. Не находила сил пойти на прогулку, поехать во фруктовые сады, поплавать по парковым каналам с красивым гондольером. Ничто не радовало её, когда Вик с сестрой удалялись из дома, а потом возвращались весёлые и розовые от возбуждения в апартаменты сестры, расположенные по соседству. Каким-то шестым чувством Лия знала, когда парочка ушла, и не ложилась отдыхать не услышав едва уловимый звук захлопнувшихся за ними дверей.

Такое наваждение сопровождалось злостью, страданиями и надеждой! Ничто не помогало и не проходило, не смотря на заверения специалистов, будто со временем негативные эмоции притупятся, сойдут на нет и ей можно будет снова искать партнёра, заводить новые отношения, рожать потомство. Лия не хотела других отношений и других детей. Ей нужен был её прежний Вик. Ведь она ничем не уступает внешне своей сестре: скулы горят румянцем, декольте ещё пышней чем в прошлом месяце, колени только что выправлены лимфодренажем, оттого и походка идеальна. Только вот собственный потерянный взгляд даже сама она прекрасно видит в зеркале, что уж говорить об окружающих! Его не в силах замаскировать ни патчи, ни наклеенные ресницы. Боль в глазах пробивается сквозь изумрудные линзы. Жаль, тёмные очки безнадежно вышли из моды...

Пожалуй, пришло время встретиться нашим героям...

...на пустынном пляже.

А чтобы эту книжку можно было читать с любой главы, расскажу, что было вначале. Действие происходит в мегагороде будущего - Путоране. Это красивое место, где все проблемы за людей давно решил Высший Разум. Для удобства он разделил человечество на мыслителей и тех, кто похуже. Кейн и Лия из разных сословий, но оба переживают непростые периоды. Может им стоит поскорей избавиться от непрошенных мыслей и дальше жить в идеальном мире? Или нет?..

Глава 3. На пляже

Высокого симбиота, наблюдающего за ней издали, Лия заметила раньше, чем розовые от заходящего солнца дельфины принялись за свои вечерние игры. Физически симбиоты мало отличаются от обычных людей, но по осанке и взгляду свысока – не ошибёшься. Конечно, у них есть право на чувство превосходства: всё, что есть на Земле – их заслуга. За свои идеи они могут в любой момент потребовать от землян внимания. Отказать им не корректно, хоть дело это и добровольное.

Последние годы Лия избегала общения с симбиотами. Всё её тепло, участие и нежность принадлежали одному лишь Вику. Теперь она – доступная добыча и прекрасно понимает это. Но отчего-то мужчина не спешил к ней приблизиться. Обычно голод делает их нетерпеливыми.

Впрочем, она и сама не готова была делиться собственной плазмой в обмен на несколько часов общения. Здесь, у моря, ею овладевали воспоминания. О прекрасных временах, когда Вик осваивал серфинг, а она смеясь наблюдала за его борьбой с волнами, высматривая в песке красивые ракушки. Тогда игры дельфинов напоминали им о наступлении ночи, пора было спешить домой и готовиться к отдыху. Вместе расстилать махровую постель, потягивать через трубочку успокаивающие коктейли... Запах тела Вика после душа, его смех, его руки... Разве можно было предположить, что прежняя беззаботность однажды начнёт отзываться в душе такой болью! Болью, которую она не готова ни забыть, ни поделить с симбиотом.

Какое-то время Лия игнорировала присутствие постороннего, пытаясь сосредоточиться на «позитивных» мыслях, как настоятельно требовал анатомический браслет, считывающий её подавленное состояние. Но ничего умиротворяющего, кроме плеска волн она уловить не могла. Солнце медлило с погружением в облачную пену, короной вздыбившуюся у горизонта. Ветер усиливался, прибой всё настойчивей тревожил базальт волнорезов. Казалось, никогда не стемнеет.

Не в силах справиться с раздражением, Лия пнула в сторону корягу, принесённую откуда-то прибоем и ещё не убранный пляжными роботами, и решительно направилась к симбиоту.

- Привет.

- Здравствуй...

Кейну на секунду стало неприятно, что его слежка оказалась раскрыта. Впрочем, ничего удивительного в том не было: на пляже остались только они двое. Прочие любители гулять по набережной разошлись — сегодня не знойно. Наоборот, морской бриз сменился порывистым ветром, и к берегу устремились барашки пены. Большинству обычных людей вредна резкая смена погоды — можно простыть и провести пару дней на трансформации, страдая от температуры. Симбиотам же ветер с моря лишь треплет причёску, что со стороны делает их неотличимыми от людей.

- Ты следил за мной, — не отступала землянка.

- Просто решил прогуляться.

- Вы не гуляете без надобности, — хмуро напомнила незнакомка.

- Так чем же мой облик и поведение выдали симбиота? — улыбнулся Кейн в ответ на её настойчивость.

- Давно живу, — произнесла девушка. — Однажды я попрошу одного из вас испить всю мою плазму до конца. Но не сегодня.

- Ты же знаешь, всю человеческую плазму забирать не разрешено, — напомнил он.

- Многие не отказываются.

- Ко мне это не относится.

- Но ты ведь давно не питался...

- Это настолько заметно?

Лия усмехнулась. Голодного симбиота выдают расширенные зрачки и сухие тонкие губы, которые становятся яркими, покрываются мелкими трещинками. Кожа на скулах бледнеет, а дыхание — прерывисто. Все эти признаки она наблюдала у собеседника и не понимала, чего он медлит. Почему не искал других желающих уединиться, пока на пляже было многолюдно?

Питание — дело добровольное. Если она откажет, ему придётся отправляться за плазмой в полулегальные подвальчики, где ночью собираются такие же бедолаги, как она. Те, кто выпал из нормальной жизни и не могут вернуться к состоянию счастья, гарантированного законом.

- Меня зовут Кейн, — протянул симбиот руку, словно обычный парень, намеренный познакомиться.

- Лия, — дотронулась девушка до протянутой ладони.

Кейна тряхнуло от близости человеческой плазмы, словно током. Не следовало касаться её руки! Не надо было приближаться и начинать этот разговор. Не сдержался... не смог...

Симбиот недовольно поморщился, будто это она настаивала на знакомстве. Будто ей одной сейчас плохо и хочется немедленно изменить хоть что-то для недолгого облегчения. Немного тепла и внимания. Пусть не человеческого, пусть она станет нужной хотя бы вот этому безучастному симбиоту, способному лишь думать и питаться — без радости и горя, без наслаждений.

- Что-то я тебя не понимаю, дружок. Ты хочешь есть, или я пошла домой? Уже поздно.

- Я не хочу употреблять плазму.

- Хочешь.

- Ты не поняла. Я отказался от питания и от общения с вашим видом. Есть другие способы жить.

- Да ну!

Девушка рассмеялась, не веря ни единому слову. Кейн прекрасно понимал её. Объяснить, почему он не хочет тепла и человеческих слов, истекающих из них вместе с плазмой, он не мог. Ведь понятия морали, порядочности и самопожертвования, такие очевидные минувшим поколениям, сегодня были недоступны ни людям, ни симбиотам. Так о чём говорить? Нужно или вести эту женщину к себе, или возвращаться домой в одиночестве. Ещё одну ночь не видеть снов, ещё одно утро корчиться от холода...

- Ну идём же! — девушка игриво взяла его под руку.

Мощный поток живого тепла исходил от её тела. Больше он не мог противиться искушению. Не хотел.

Закат догорал, море успокоилось, дельфины ушли в глубину. Площадь Вре́мён опустела...

Интересно, как будут варить кофе через тысячи лет?..

...думаю, и тут без не обойдутся без Искусственного Интеллекта. А вот без задушевной беседы двоим невозможно понять друг друга...

Глава 4. «Говори!..»

- Почему ты молчишь? Говори...

- Не могу...

Она и вправду словно онемела. Хотя все её чувства и мысли он прекрасно понимал, наполняемый свежей плазмой — живой и горькой, горячей и чуть солоноватой от крови. Сначала она едва сочилась, сгущенная болезнью. Потом потекла медленной струёй, затем хлынула, наполняя его жизнью. Всё, что успела прочувствовать эта уставшая землянка, что удалось ей испытать за время взросления, любви, семейного благополучия — жило в ней и давало новые силы. Этой силой она сейчас делилась с ним — высшим существом. И каким-то образом сама возвысилась над своими печальми на недолгое время. До тех пор, пока не иссякла первая волна, пока не насытился он.

- Продолжай, прошу тебя, — наконец произнесла женщина.

- Мне достаточно.

- Продолжай! — почти выкрикнула землянка.

Глаза её распахнулись, взгляд стал твёрдым и требовательным — совсем неожиданно наблюдать такое от обычного человека, измученного болезнью.

- Успокойся, это запрещено. Ты должна восстановиться, чтобы продолжить жизнь.

- Не хочу ничего продолжать. Пей! Я приказываю!

- Глупышка. Ты не можешь приказать недозволенное...

- Другие ж могут.

Кейн знал: существует легальная практика. Сеть таких заведений называется «Эвтаназия блаженства», где можно до конца испытать неизлечимо больных землян, готовых отдать всю плазму одновременно. Но это строжайше запрещено делать не в клинике. Да и смысла в убийстве землянки он не видел: плазменное пресыщение, как и долгое голодание, могут вызвать мутации и безумие. По крайней мере, так уверяют лекари. Причин им не доверять нет, но трёхдневный отказ от плазмы никаких видимых ухудшений у него не вызвал. Лишь подавленное состояние, с которым он легко справился бы, если б не решил пройтись до моря...

- Ну тогда скажи, что мне делать? Как правильно поступить, если я больна и жить незачем?!

У женщины начиналась истерика, что выглядело совсем уж неуместно в его апартаментах, где Кейн привык проводить дни в полном спокойствии. И вдруг эти требования, вскрики! Словно он не высший, а такой же обычный землянин, как её муж, переметнувшийся к другой. В поступке незнакомого Вика Кейн не видел ни малейшего смысла: внешний вид любой человеческой самки можно довести до совершенства. Непонятно, что это меняет.

Пожалуй, следовало выпроводить гостью прочь, но Кейн пошёл варить кофе на двоих. Он чувствовал прилив сил, и хотелось чем-то отблагодарить эту обычную на вид, но такую непохожую на других землянку. Странно, что она не испытывает сейчас того блаженства, ради которого люди отдают плазму. Ведь он сделал всё, чтобы облегчить её страдания.

Кварцевый песок нагрелся, и две медные джезвы совершали на поддоне свой медленный танец. Кейну оставалось только следить взглядом, как каймак несколько раз пенится до самого края сосудов и медленно опадает.

- Что ты делаешь? — послышалось из-за спины.

- Варю кофе. Старинный напиток древних бедуинов, — пояснил Кейн.

- Действительно, древняя какая-то технология, — произнесла Лия, разглядывая приспособление, обдающее жаром лицо.

- Пробуй, тебе понравится, — разлил по крошечным чашечкам варево Кейн.

Лия взяла в руки горячий напиток, стараясь не обжечься. Обычно все питаются пищей комнатной температуры. Тем временем симбиот поставил на столик два красивых стакана с водой. В них позвякивали кусочки льда.

- Это чтоб освежить вкусовые рецепторы.

- До чего ж вы затейливы, — поразилась вслух Лия.

- Кофе придумали люди, — напомнил собеседник. — Почему ты молчишь? Рассказывай. Я понимаю, как вам важно общение.

- Не всегда, — произнесла Лия и отважилась, наконец, попробовать угощение.

Кофе немного остыл и, вопреки ожиданиям, не обжёг слизистую. Вкус был необычным. Совершенно не приятным, но напиток обладал каким-то взбадривающим действием при полном отсутствии лекарственного запаха.

- Да говори же! — не выдержал затянувшегося молчания Кейн.

- Почему бы тебе не рассказать чего-нибудь? — произнесла Лия, привыкая к необычному угощению.

- Мне?!

- Ну да. Симбиоты ведь тоже владеют речью, так отчего говорят только люди?

- Симбиоты говорят. Но для нас речь – обмен информацией, а не чувствами. Мы не повышаем голоса, а люди могут кричать или использовать недопустимую лексику. Это странно.

- Странно, что вам не о чем рассказать. Вы совсем ничего не чувствуете? У вас нет воспоминаний, от которых бросает в жар? Ты никогда не думаешь о любимых, о маме?

Кейн замер с чашкой в руках. Мама у него... была. Но так давно, в каком-то необъяснимом мире, которого давно не существует. Или существует? Он с детства знал, что рождён высшим существом, что ему предстоит долгая жизнь, непохожая на жизнь суетливых землян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.